

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

ПОЛИТРУК
На Ржевском выступе

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 Политрук. На Ржевском выступе / Валерий Большаков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2022. — 320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-04-168706-9

Антон Лушин, простой работяга и поисковик, отправляется в очередную экспедицию для розыска тел павших красноармейцев. На месте массовой гибели людей от вражеской воздушной бомбардировки Антон видит прозрачную завесу, через которую проникает в прошлое, в самый разгар боев за Ржев весной 1942 года.

Выдавая себя за однофамильца — политрука, погибшего при атаке «Мессершмитта», Лушин отправляется на передний край. А там идут тяжелейшие бои за Ржевский выступ, где Красная Армия несет огромные потери.

Сумеет ли политрук из будущего переломить ход боевых действий хотя бы на участке своей роты? Или для изменения истории достаточно всего лишь сохранить жизни доверившихся ему бойцов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168706-9

© Большаков В.П., 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

*Четверг, 9 мая 2019 года. Утро
Москва*

Ровно в десять я занял место на углу Нового Арбата и Новинского бульвара, как нынче принято обзывать проспект Калинина с улицей Чайковского. Отсюда лучше всего видна военная техника, едущая обратно с парада — чистая, ухоженная, грозная. Даже лимузин министра обороны тут заворачивает. Говорят, успели-таки собрать «Аурус» для Шойгу. Машинка хорошая, только малость безлика — зря отказались от молдингов в духе «ЗиС-110»! Но все равно интересно глянуть.

Нет, можно, конечно, поглазеть на «Искандеры» с «Арматами» и до парада на Красной площади, но тогда придется вставать в шесть утра. А на трибуны у кремлевской стены не попадешь без пригласительного. Да не очень-то и хотелось! Терпеть не могу все эти дурацкие загородки, стыдливо прикрывающие Мавзолей.

Вообще, странно как-то выходит — гневно обличаем Запад в искажении нашей истории, а сами заплеываем прошлые идеалы, шарахаемся от гордого определения «советский», как микроб от антибиоти-

ка. А уж эти мне сериалы «про войну»... У них в корне иное слово — не «серия», а «высер». Срамота.

Сощурившись, я огляделся.

Любопытствующих мало пожаловало, так что мне достался первый ряд. Верней, все подались не туда — техника станет выворачивать на встречу, и надо забивать места по внешней стороне Садового. А москвичи разве догадаются?..

В пол-одиннадцатого зарокотали мощные моторы, и поперла Сила — танки, броники, тягачи... Эпос!

Проводив взглядом последний клокочущий «Ярс», я отправился бродить по Москве. Люблю этот взбалмошный город! Хотя и запакоостили его «продажники», пованешали рекламы, испоганили «точечной застройкой», а «столица Страны Советов» все равно жива еще — убери наносное, и тебе откроется истинное величие.

Я, правда, родился в тот самый бедственный год, когда «верные ельцинцы» слили нашу сверхдержаву, так что не довелось мне комсомольский значок носить или хотя бы пионерский галстук. А все равно мне СССР ближе и родней, чем РФ. Ну, вот такой я — «новый совок».

Этим либеральным ругательством меня как-то «пригвоздили», даже не понимая смысла сказанного. Советскому человеку было чем гордиться, а «дорогому россиянину» что прикажете делать? Каяться и терпеть? Или ждать, пока Россия снова не сплотит союз нерушимый, а всяких горбачевых-собчаков-навальных-касяновых спустит в унитаз истории? Лично я жду. И надеюсь.

А иначе мы с дурацкими шуточками-прибауточками, с веселым гоготом анацефалов пройдем всю дорогу в никуда. И останется нам пиццеварить, сношаться и радостно бляеть за свободу и демократию. Гаме овер, дорогие товарищи...

Нагуляв аппетит, я обстоятельно пообедал в «Му-му», а где-то к полтретьему выбрался на Маяковку, запруженную народом. Прошел пугающую рамку металлодетектора и слился с миллионной нарядной толпой. Это я тоже планировал — пройтись в рядах «Бессмертного полка».

Конечно, когда ты шагаешь со всеми вместе, в одном горестном строю, то не представляешь истинный масштаб действия, не видишь этой человеческой реки, великой армии тех, кто ничего и никого не забыл. Помню, смотришь на экран, где покачиваются тысячи, сотни тысяч черно-белых фотографий — и слезы наворачиваются. Скольких же мы потеряли, боже ж ты мой...

Миллионы лучших ушли в небытие. Лучших коммунистов, комсомольцев и просто достойных, беспартийных работяг, взявших винтовки в свои мозолистые руки. Не будь войны, они бы учились, работали и ни за что не позволили бы развалить страну, не дали бы растащить ее народное хозяйство. Выходит, распад СССР начался не в девяносто первом, а полувеком ранее — летом сорок первого года...

Прицепив на лацкан «колорадский» бант из георгиевской ленточки, я мерно зашагал, подчиняясь общему движению. Разноголосое шумство плыло, как фон, озвучивая людской ход, и я уловил мощную вол-

ну эгрегора¹. Подобное ощущается в старых храмах, в намоленных пристанищах божественных тайн — век за веком мириады верующих припадали к светлым образам и как бы оставляли в церквях следы своих «Я», пропитывая косный камень верой, надеждой и любовью.

Чувствовать эту эманацию, отдающую мистическим жаром, слышать множественное эхо душ, ушедших и ныне живущих, дано не всякому. Ну, а я сподобился-таки. Угораздило родиться экстрасенсом.

Это еще в детстве началось. Однажды, будучи в деревне у бабушки, мы с отцом отправились по грибы. Набрали полные корзины упитанных боровиков да бравых подосиновиков, а когда двинулись обратно, во мне словно какой тормоз сработал — не доходя до шумливого ручья с горбатым мостиком, я остановился сам и ухватил за руку отца. Меня будто окатило всего — не страхом даже, а изнуряющим, томительным предощущением несчастья. У Тютчева есть строка — «созвучье полное в природе», а тогда я будто слышал фальшивую ноту, режущую ухо. Стройное согласие мира вокруг портил уродливый изъян, суть которого ускользала от понимания малолетки.

— Ты чего? — удивился отец, порываясь идти.

— Стой! — просипел я, хватаясь за его сильную руку. — Туда нельзя!

— Да почему? — начал сердиться папа.

¹ Эгрегор — энергоинформационная структура, возникающая из сонаправленных мыслей и эмоций группы людей, объединенных общей идеей или стремлением, и вызывающая психодинамический резонанс.

И тут нам обоим был дан ответ. Сразу за ручьем вздрогнуло старое раскидистое дерево. Оно стало беззвучно клониться и падать, медленно, как во сне, пока с грохотом не рухнуло на тропу, стегая мосток гибкой верхушкой.

— Вот это ничего себе! — выдохнул отец, бледнея. — А я ничего даже не заметил! Молодец, сына!

Я не стал разубеждать его. Лучше пусть верит в мой обостренный слух или наблюдательность, чем в паранормальные способности — сомнительное поприще, где подвизаются шарлатаны да пройдохи.

Мой неожиданный дар докучал мне не слишком. Напротив, я всегда отыскивал самые грибные и ягодные места, а удочку забрасывал лишь на крупную рыбу. Баба Аня жила в глухом углу Новгородчины, где в войну шли ожесточеннейшие бои, и я не раз обходил опасные места в лесу, чуя притаившиеся мины или неразорвавшиеся снаряды. А в старших классах вся эта нелюбимая экстрасенсорика спасла мне жизнь.

Как-то наш военрук, пожилой капитан в отставке, вещал девятому «А» об устройстве гранаты «РГД-5» и показывал ее учебную копию. Все глядели с большим интересом, только я один вздрагивал от знобкого холода, что проскальзывал по хребту. Я сидел на первой парте у окна, с заносчивой, но хорошенькой Светкой Мальцевой. Она, помню, шипит недовольно: «Чего ты ерзаешь?», а мою центральную нервную вспарывает знакомое ощущение — слома мировой гармонии. Стоило же военруку выдернуть чеку и отпустить рычажок, как я сорвался с места.

С криком «Нет!» вырвал у него гранату и запустил в окно. Стекло с жалобным звоном осыпалось на подоконник, брызгая сверкающими прозрачными лезвиями. Все ошалели, а я заорал: «Ложись!»

Светку за плечи схватил, пригнул резко, чтоб не посеколо осколками. Девушка задушенно пискнула, кто-то вскочил, военрук открыл рот — и тут на счет «четыре» муляж гранаты взорвался. Бабахнуло так, что вышибло все стекла, а шторы выдуло в класс, как шквалом паруса. Визгу было, криков...

У военрука кровь течет по белому лицу, а он трясется, как панночка из «Вия», да повторяет всё: «Б-боевая... Она б-боевая...»

Скандал вышел изрядный. Правда, так и осталось неясным, что за коекакер или вредитель передал школе взрывоопасное «наглядное пособие». Хорошо еще, никого серьезно не задело. А не сработай мое чутье, попал бы я в зону разлета...

Тут меня чувствительно пихнули в спину, обрывая воспоминания, и сразу донесся надтреснутый голосок:

— Извините, молодой человек...

Обернувшись, я увидел седую бабусю в аккуратном джинсовом костюмчике. Фотографию своего солдата она несла у плоской груди, как икону. Глянув на снимок, я испытал потрясение — буквальным образом меня даже качнуло. Чудилось, сердце дало сбой. Старушка несла мое фото! Черно-белое, подкрашенное ретушью...

Да, в гимнастерке, да, с тремя «кубарями» в малиновых петлицах¹. Но это был я! Темные волосы, за-

¹ Знаки различия политрука. Соответствует званию старшего лейтенанта.

чесанные назад, как у меня, и форма ушей такая же, и носа, и губ! Те же глаза, те же упрямые складки в уголках рта. Даже родинка на левой щеке присутствовала!

И, как контрольный выстрел, надпись под портретом большими четкими буквами: «Антон Иванович Лушин». Мои «паспортные данные»...

Джинсовая бабушка подняла на меня глаза. Страшно побледнев, она пошатнулась, роняя фотографию. Одной рукой поймав ламинированный снимок, другой я подхватил старушку.

— Это не он! — ляпнул сдуру. — Это не я!

— Тося... — жалобно простонала бабушка. — О господи... Вы до того похожи на Тосю! Копия просто!

— Да уж! — буркнул я, мрачняя.

Мы продолжили путь, чтобы не мешать «однопольчанам», а охавшая старушенция отобрала у меня портрет.

— Как вы себя чувствуете? — покосился я на нее, с трудом собирая мысли обратно в опустевшую голову.

— Нормально... — боязливо вздохнула бабушка — не кольнет ли сердчишко. — Позвольте... Сколько вам лет?

— Двадцать семь, — не стал я скрывать.

— Надо же... — горестно покачала головой моя нечаянная спутница. — Антону было двадцать восемь в сорок втором... Он погиб через неделю после своего дня рождения.

«Все чудесатее и чудесатее...» — подумал я и кисло поинтересовался вслух:

— Антон родился в июле?

— Да, девятнадцатого числа, — мелко закивала старушка. — Он как раз училище заканчивал, Военно-политическое, и ко мне забежал на каких-то полчасика. Я заварила чаю, Тося выложил, как пирог, полбуханки настоящего хлеба — душистого, теплого еще... Да, это был праздник!

— Антон — ваш жених? — осторожно поинтересовался я, чувствуя, что безумие уже рядом, за спиной, жарко дышит в затылок.

— Ах, что вы, что вы! — всплеснула бабуса худыми ручками, махнув портретом, словно опахалом. — Он мой брат! — И затрясла головой: — Ох, ну до чего же вы похожи, сил нет!

— Все куда хуже, — криво усмехнулся я. — Простите, как вас величать?

— Дарья Ивановна Стоцкая, — церемонно представилась сестра «двойника». — Лушина — моя девичья фамилия.

— Все куда хуже, любезная Дарья Ивановна, — медленно заговорил я. — Меня тоже зовут Антон Иванович Лушин, и я родился девятнадцатого июля.

Стоцкая прикрыла рот ладонкой.

— Так не бывает... — пролепетала она растерянно.

— Я тоже так думал, — невесело хмыкнул я. — До сегодняшнего дня. А какие-нибудь особые приметы были у вашего брата? Ну, там, шрамы или татушки?

— Татушки? — растерялась старая. — А-а, татуировки! Да-да-да! Тося еще в школе наколол себе вот здесь, на левом предплечье, имя «Катя». Потом, правда, он едва мог вспомнить эту свою первую пассию,

но память осталась на всю жизнь... Жизнь, да... — вздохнула она. — А! И еще у Тоси был страшный шрам на ноге, ниже колена — в детстве сильно поранился косой.

— Понятно... — протянул я. — Ну, у меня такого точно нет. Скажите, Дарья Ивановна, а фотографии ваших родителей сохранились?

Сначала, похоже, она не поняла, а потом часто закивала.

— Да-да-да! Пойдемте... Антон! — заторопилась Дарья Ивановна. — Надо же разобраться, вы правы. Если это совпадение, то что тогда чудо?

Жила Лушина-Стоцкая неподалеку от Пушкинской, в скромной квартире на третьем этаже старого, дореволюционного еще дома с толстенными стенами и высоченным потолком. По дороге я вызнал у Дарьи Ивановны некоторые семейные секреты. Они и успокоили меня немного, и раззадорили. Выяснилось, что мать Антона звали Лидией, а не Натальей, как мою маму, да и родился «двойник» в Москве. Я же появился на свет в Ленинграде, обозванном Санкт-Петербургом за год до первой моей «днюхи».

В квартире Стоцкой застоялась тишина, лишь настенные часы с малахитовыми колонками мерно отбивали секунды. До блеска натертый паркет, старинная мебель из красного и вишневого дерева, бронзовая люстра с хрустальными подвесками, позванивавшими на сквознячке — во всем чувствовался достаток и прилежный уход. По комнатам блуждали, причудливо мешаясь, легкие запахи ванили и валерьянки.

Закрыв могучую входную дверь, Дарья Ивановна шустро разулась и просеменила в гостиную. Привстав на цыпочки, она достала с верхней полки книжного шкафа пухлый фотоальбом в золотисто-желтой бархатной обложке и бережно опустила его на большой овальный стол, застеленный камчатной скатертью.

— Вот! — выдохнула «баба Даша», пролистнув пару картонных страниц с прорезями. — Это моя мама, а вот они с отцом на свадьбе.

Я внимательно присмотрелся к большому, малость пожелтевшему фото. Иван Лушин отдаленно смахивал на моего отца, но вот его жена ни капли не походила на маму. И слава богу.

— А как его звали, Дарья Ивановна?

— Иван Романович! Он погиб в сорок первом...

Я приободрился — моего деда крестили Михаилом. Мы просмотрели весь альбом, пока не дошли до пожелтевших открыток и выцветших писем.

— Это от Тоси... — вздохнула Стоцкая. — Боевой такой был... Его даже Мальчишом-Кибальчишом прозвали. Видите, подписался? «Твой Мальчиш»...

Глянув на бледные строчки, я сжал губы — мой почерк! А Дарья Ивановна развела суету — вскипятила чай, достала утрешний пирог с ягодой. Отказываться я не стал — уж больно падок на выпечку.

— Скажите, а где погиб ваш брат? — спросил, отдуваясь после второй чашки.

— Ох, Тося даже до места службы не доехал! — вздыхала Дарья Ивановна. — Это где-то в Калининской области, около Волги — там она совсем еще узенькая. Его направили в 718-й полк 139-й диви-

зии — долго я эти цифры заучивала... Из Калинина Антон добирался до линии фронта на штабной «эмке» — он и еще ротный из того самого полка... Андрей Павлов, если мне память не изменяет. Да-а... А тут налет! «Юнкерс» сбросил огромные бомбы, они взорвались, и «эмка» как ехала, так и скатилась в воронку, но внутри уже не осталось живых — «Мессершмитт» выпустил по машине очередь из пулемета... — Вздохнув, Стоцкая понурилась. — Я все это только после войны узнала. Случайно пересеклась с командиром 718-го стрелкового полка. Вот он мне все и рассказал... Там даже хоронить было нечего, «эмка» долго горела — водитель прихватил в дорогу запасные канистры с бензином! Я потом приезжала на то место несколько раз. Там ручеек протекал, так он заполнил две или три воронки, большие такие, и получилось озерцо. Летом вода в нем прогревается до самого дна. Я даже ныряла, когда совсем молодая была. Однажды рукою раскопала песок на дне, а под ним — ржавая крыша «эмки». Страшно стало, и я быстрее-быстрее наверх! Ох, да что это я все о себе да о себе! Вы-то как, Антон? Работаете? Или учитесь?

— Я-то? — Мне захотелось почесать в затылке. — Ну, что вам сказать? Хвастаться особо нечем, Дарья Ивановна. Балбес потому что. Пытался поступить в институт — не вышло. Пошел служить. После дембеля работал на Севере бурильщиком. Подзаработал, купил двушку в Калинин... в Твери то есть. Устроился в рекламное агентство, но ненадолго — сократили. Думаю опять в Заполярье податься. Хотя... Не знаю. Ну, не нашел я пока что дела по душе! Мне, если чест-